Н. РЯЗАНОВЪ.

19 ФЕВРАЛЯ.

ПРИЧИНЫ ПАДЕНІЯ КРѢПОСТНОГО ПРАВА.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

84

ГЕ20
Р 981з Р

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Д. П. Вейсбрута, Троицкій пр. № 5.

1200 127638.
48.

I.

19 февраля 1861 г. нанесенъ былъ смертельный ударъ старой Николаевской Россіи, той самой Россіи, которая, говоря словами Бѣлинскаго, „представляла самое ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ не человѣкъ, страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Палашками; страны—гдѣ, наконецъ, нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромная корпорація разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей".

Отъ 1861 до 1881 г. 19 февраля является еще оффиціальнымъ праздникомъ. 1 марта 1881 г., для Мещерскихъ и Катковыхъ являвшееся логическимъ слѣдствіемъ 19 февраля, доставило, наконецъ, реакціонерамъ желанный случай сначала ослабить характеръ празднества, укрѣпившійся за этимъ днемъ, а затѣмъ и совсѣмъ отказаться отъ него. Наконецъ, настали годы, когда празднованіе этого дня стало чуть не государственнымъ преступленіемъ, когда принявшія только болѣе приличныя формы „корпораціи служебныхъ воровъ и грабителей" всѣхъ степеней начали видѣть въ немъ личную для себя обиду.

Но и 44 года тому назадъ день этотъ далеко не носилъ праздничнаго характера. Вспомнимъ слѣдующій любопытный фактъ. Въ первоначальномъ проектѣ манифеста о днѣ объявленія воли говорилось: „Въ сей радостный для насъ и для всѣхъ вѣрноподданныхъ нашихъ день". Въ проектѣ манифеста, принадлежащемъ митрополиту Филарету, это мѣсто было опущено. Въ особой запискѣ, имъ представленной, онъ разъяснилъ причины, заставившія его сдѣлать это: „Не упомянулъ я о радости, чтобы отъ лица царя не было произнесено слово, которому не сочувствовали бы многіе изъ вѣрноподданныхъ". И дѣйствительно, въ этотъ день Россія далеко не была въ радостномъ настроеніи. Объявленіе воли далеко не произвело на со-

временниковъ впечатлѣнія, соотвѣтствующаго величію и торжественности грандіознаго историческаго момента. Наоборотъ, первое впечатлѣніе было „смутно неопредѣленное и далеко не радостное".

Въ достаточной мѣрѣ объясняется это самой обстановкой, при которой происходило объявленіе воли. „Освободители" какъ будто и сами не вѣрили своей освободительной миссіи и боялись освобожденныхъ. Огромная „корпорація разныхъ служебныхъ и неслужебныхъ воровъ и грабителей" сдѣлала всѣ приготовленія, чтобы защитить себя не отъ рабовладѣльцевъ, не отъ помѣщиковъ, нѣтъ!—этихъ враговъ наша „корпорація не боялась,—а именно отъ тѣхъ крестьянъ, которымъ, казалось, приходилось только благодарить и радоваться.

Уже задолго до объявленія воли, „энтузіастъ", изъ любви къ правдѣ выдававшій своихъ товарищей декабристовъ, Яковъ Ростовцевъ, выработалъ проектъ о временныхъ генералъ-губернаторахъ, снабженныхъ чрезвычайными полномочіями для усмиренія бунтовщиковъ. Когда Ланской возражалъ противъ этого проекта, утверждая, что народъ не только не сопротивляется, но вполнѣ сочувствуетъ намѣреніямъ правительства, Царь-Освободитель отвѣтилъ: „Все это такъ, пока народъ находится въ ожиданіи, но кто можетъ поручиться, что когда новое положеніе будетъ приводиться въ исполненіе и народъ увидитъ, что ожиданіе его, т. е. свобода, по его разумѣнію, не сбылась, не настанетъ ли для него минута разочарованія? Тогда уже поздно будетъ посылать отсюда особыхъ лицъ для усмиренія. Надобно, чтобы они уже были на мѣстахъ".

Все, что происходило по дѣлу освобожденія крестьянъ съ 10-го октября 1860 г., по 5-е марта 1861 г., т. е. со дня закрытія редакціонныхъ комиссій и до обнародованія манифеста 19-го февраля, было покрыто непроницаемой тайной даже для большинства членовъ бывшихъ редакціонныхъ комиссій.

Во всѣ губерніи были командированы свитскіе генералы и флигель-адъютанты полковничьяго чина, коимъ велѣно было состоять при губернаторахъ. „Въ виду возможнаго народнаго волненія при освобожденіи, по войскамъ были отданы слѣдующіе приказы: 1) Наставленіе воинскимъ чинамъ или командамъ, назначаемымъ для

экзекуціоннаго занятія городовъ, мѣстечекъ и селеній въ западныхъ губерніяхъ. 2) Наставленіе военнымъ начальникамъ въ случаяхъ употребленія войскъ для усмиренія народныхъ волненій и безпорядковъ. 3) Предоставленіе главнымъ начальникамъ западныхъ губерній права предавать военному суду виновныхъ въ безпорядкахъ и приводить приговоры въ исполненіе немедленно. 4) Временный наказъ уѣздной полиціи, дозволяющій въ чрезвычайныхъ случаяхъ употребленіе военной силы для подавленія и прекращенія безпорядковъ".

Въ Москвѣ цѣлый день ходили пѣшіе и конные патрули съ заряженными ружьями. Предосторожности приняты были чуть ли не большія, чѣмъ въ С.-Петербургѣ. А тамъ какъ будто готовились къ страшному нашествію вражеской силы. Военнымъ генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ 4-го марта было разослана по полкамъ инструкція съ подробнымъ обозначеніемъ, какіе полки въ какія именно полицейскія части города слѣдуетъ отрядить; полкамъ велѣно было не отлучаться и быть 5-го марта все время на готовѣ. Городовые были вооружены револьверами. И ничто не характеризуетъ такъ ярко настроеніе почтенной „огромной корпораціи служебныхъ и неслужебныхъ воровъ и грабителей", какъ тотъ фактъ, что 5 го марта въ то самое время, когда въ церквяхъ читалась торжественная вѣсть объ освобожденіи крѣпостнаго народа, были жестоко „наказаны на тѣлѣ" дворники, неосторожно говорившіе за нѣсколько дней передъ тѣмъ о предстоящемъ провозглашеніи воли . . .

Тревожное настроеніе чувствовалось и въ Зимнемъ Дворцѣ. „Лица, собравшіяся въ Зимній Дворецъ въ ожиданіи государева выхода, были, очевидно, неспокойны. Послышался глухой гулъ, какъ бы выстрѣлъ; генералъ-губернаторъ посылаетъ узнать, что такое. Ему докладываютъ, что глыба снѣга скинута съ дворцовой крыши. Черезъ нѣсколько времени послышался колокольный звонъ; опять опрометью мчится фельдъегерь и, возвратившись, докладываетъ . . ., что звонили у Исаакія по случаю похоронъ священника...

„Письма безъ адреса" Н. Г. Чернышевскаго и статьи Н. А. Добролюбова показываютъ, что и тѣ, кто больше всего работалъ для приближенія этого желаннаго дня, встрѣтили его безъ особеннаго восторга. Н. Огаревъ

окрестилъ Положеніе 19-го февраля „новымъ крѣпостнымъ правомъ“, а М. Л. Михайловъ издалъ свою прокламацію „Къ молодому поколѣнію“. Организовалось тайное революціонное общество „Земля и Воля“.

Положеніе 19-го февраля не было признано и народомъ. По всей Россіи оно было встрѣчено безпорядками и волненіями. Народъ, такъ страстно ждавшій воли, отказывался отъ нея, требовалъ другого манифеста. Отвѣтомъ на его требованія были пули, штыки и розги. Изъ отчета о дѣятельности министерства внутренныхъ дѣлъ, скорѣе затушевывающаго факты, мы видимъ, что за первые два года—съ 19 февраля 1861 г. по 1863 г.—было въ 29 губ. 1100 крестьянскихъ бунтовъ, изъ которыхъ многіе подавлены были лишь силою оружія. Въ имѣніи графа Апраксина, въ Безднѣ, Казанской губ., возстали 5000 крестьянъ, не пожелавшихъ признать новую волю. Для усмиренія возстанія были присланы войска, при чемъ убито 55 и ранено 77 крестьянъ. Надъ предполагаемымъ главаремъ крестьянъ Антономъ Петровымъ назначенъ былъ военный судъ, который и приговорилъ его къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Въ Пензенской губ. въ деревнѣ Черногаѣ убито было три, ранено 18; въ деревнѣ Кандѣевкѣ—убито восемь, ранено 27; присуждены: въ каторжныя работы 26 чел., съ наказаніемъ шпицрутенами сквозь строй; на поселеніе 78 человѣкъ, остальные заключены въ тюрьму, наказаны розгами и т. д. Въ имѣніи Станкевича, въ Воронежской губ., убито 40 чел. крестьянъ.

Такъ встрѣтилъ народъ „дарованную“ ему волю и такъ дорого обошлась она ему!

II.

Чѣмъ же грѣшила „новая воля“, что заставляло народъ такъ упорно отказываться отъ нея?

Когда нашъ великій сатирикъ говоритъ, что всѣ старанія „освободителей“ сводились къ тому, „чтобы мужикъ какъ можно больше восчувствовалъ, а помѣщикъ какъ можно меньше ощутилъ“, то слова эти могутъ показаться преувеличеніемъ. Но они составляютъ только перифразъ правилъ, которыя было повелѣно Главному Комитету принять къ надлежащему руководству*).

*) Эти три условія Александръ Второй заимствовалъ изъ писемъ къ нему Ростовцева, давъ имъ болѣе „точную“ формулировку.

„При разсмотрѣніи и, впослѣдствіи, при обнародованіи всѣхъ законодательныхъ по настоящему дѣлу работъ, соблюсти непремѣнно три условія:

1) Чтобы крестьянинъ, по изданіи Положенія, немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшился;

2) Чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены;

3) Чтобы мѣстныя власти ни на минуту не колебались".

Эта змѣино-мудрая программа была блестяще выполнена. Наилучшимъ доказательствомъ служитъ, между прочимъ, долго длившійся споръ, улучшилось ли матеріальное положеніе крестьянства послѣ паденія крѣпостного права или нѣтъ?

У насъ упорно держался, да и теперь еще не исчезъ окончательно взглядъ, согласно которому освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного права совершилось въ Россіи на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ въ западной Европѣ. Кромѣ личной свободы, нашъ крѣпостной получилъ, дескать, землю.

Но это одинъ изъ тѣхъ предразсудковъ, которые такъ часто встрѣчаются у «самобытниковъ», забывающихъ, что „своеобразіе" въ развитіи даннаго историческаго процесса не доказываетъ еще его «самобытности», и что самое «своеобразіе» предполагаетъ общность основныхъ формъ и тенденцій общественнаго развитія.

И въ западной Европѣ раскрѣпощеніе личности крестьянина не всегда и не всюду сопровождалось экспропріаціей крестьянской земли. Процессъ экспропріаціи зачастую длился не меньше процесса раскрѣпощенія. Такъ, напримѣръ, въ Англіи процессъ раскрѣпощенія длился до второй половины XVII вѣка, а процессъ экспропріаціи законченъ былъ только въ XIX столѣтіи. Во Франціи процессъ раскрѣпощенія, начавшись еще въ XIV столѣтіи, окончательно завершился въ 1789 г. Попытка наложить на крестьянъ выкупные платежи за оставшуюся въ ихъ владѣніи землю кончилась неудачей. Декретъ конвента отъ 17 іюля 1793 года освободилъ крестьянскія земли отъ всѣхъ лежавшихъ на нихъ обязанностей и платежей. Тѣ преимущества, которыя, по словамъ Маркса, имѣетъ французскій революціонный методъ, проявились и въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Уже въ сосѣдней Германіи процессъ раскрѣпощенія,

оффиціально начавшійся въ 1811 г., растянулся на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Хотя ему и былъ данъ основательный толчекъ мартовской революціей, еще въ 1890 г. извѣстный историкъ нѣмецкихъ крестьянъ Кнаппъ не могъ съ достовѣрностью сказать, окончательно ли уже регулированы отношенія между помѣщиками и крестьянами въ нѣкоторыхъ частяхъ восточной Пруссіи, другими словами, окончательно ли уже въ нихъ ликвидировано крѣпостное право. Изъ бывшей во владѣніи нѣмецкаго крестьянина земли въ его распоряженіи осталась едва половина, да и за эту ему пришлось выплатить не одну сотню милліоновъ марокъ. «Силезскому милліарду» соотвѣтствуютъ такіе же милліарды и въ другихъ провинціяхъ Пруссіи. Прусскіе юнкера цѣпко держались за крестьянскую землю.

Не въ одинъ день совершилось и раскрѣпощеніе русскаго крестьянства. Нечего говорить уже о томъ, что крѣпостное право сохранялось во всей своей силѣ въ теченіе всего періода, когда составлялись уставныя грамоты, т. е. договоры, опредѣлявшіе земельные права крестьянъ и будущія повинности „временно-обязанныхъ“.

И вовсе не въ противоположность западной Европѣ, а совершенно такъ же, какъ въ Пруссіи, переходъ крестьянъ на выкупъ могъ совершиться лишь по требованію или съ согласія помѣщиковъ, которые, конечно, допускали его только на выгодныхъ для себя условіяхъ. До перехода же на выкупъ крестьяне оставлялись въ положеніи „временно-обязанныхъ“. Прошло не менѣе двадцати лѣтъ, пока „освободители“, подгоняемые революціоннымъ движеніемъ семидесятыхъ годовъ, положили конецъ „временно-обязаннымъ“ отношеніямъ, сдѣлавъ выкупъ обязательнымъ. И по сію пору еще не во всѣхъ уголкахъ и закоулкахъ нашего обширнаго отечества уничтожено окончательно крѣпостное право!

Не странно ли послѣ всего этого слышать изъ устъ даже такого выдающагося ученаго, какъ П. Милюковъ, слѣдующія слова:

„Чтобы разрушить твердыню средневѣковаго крѣпостничества (въ Западной Европѣ) понадобились столѣтія, тогда какъ одного почерка пера оказалось совершенно достаточнымъ, чтобы опрокинуть гнилое зданіе барскаго произвола“!?

Это тѣмъ болѣе странно, что до сихъ поръ сохранился живой остатокъ этихъ крѣпостныхъ отношеній—выкупные платежи, эта „дань, наложенная на общественное развитіе“, съ лихвой возмѣстившая всѣ старыя повинности крестьянъ и замѣнившая нѣсколько тысячъ пьявокъ однимъ чудовищнымъ вампиромъ, высасывающимъ всю кровь изъ обездоливаемаго и разоряемаго крестьянства.

И хотя уже Николай I, какъ мы сейчасъ увидимъ, могъ объяснить себѣ тотъ фактъ, что „человѣкъ сдѣлался вещью“—„хитростью и обманомъ, съ одной стороны и невѣжествомъ—съ другой“, крестьянъ заставили платить даже за освобожденіе отъ личной зависимости. Въ выкупныхъ платежахъ, по признанію и такихъ умѣренныхъ изслѣдователей, какъ Л. Ходскій, въ замаскированномъ видѣ заключался выкупъ личности крѣпостного.

Наши историки до сихъ поръ не понимаютъ или не хотятъ понять, что положеніе 19-го февраля являлось актомъ экспропріаціи крестьянскаго населенія: крестьянъ не *надѣлили*, а *обдѣлили*.

„Мы ваши, а земля наша“—такъ формулировали свои отношенія къ господамъ крѣпостные. Это—крестьянская „теорія“ происхожденія крѣпостного права и дворянскаго землевладѣнія. Совершенно иную „теорію“ выдвинуло дворянство. Она формулирована въ слѣдующихъ словахъ Николая I, которыя этотъ „первый дворянинъ“ сказалъ своимъ коллегамъ дворянамъ: „Теперь я буду говорить съ вами, не какъ государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земля принадлежитъ намъ по праву, потому что мы пріобрѣли ее нашей кровью, пролитой за государство, но я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу себѣ объяснить иначе этого, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ—съ другой.“ Иными словами: земля—наша, а крестьяне—не наши. Эта „теорія“, конечно, представляется значительно смягченной въ сравненіи съ „теоріей“, по которой и крестьяне, и земля—„наши“. Въ этомъ „смягченіи“ весь тотъ прогрессъ, который приводитъ въ телячій восторгъ буржуазныхъ историковъ.

Научныя историческія изслѣдованія показали, что крестьянская „теорія“ скорѣе выдерживаетъ критику, чѣмъ дворянская. Дворянскому, помѣщичьему землевла-

дѣнію предшествовало свободное, крестьянское. Чѣмъ большее преобладаніе получало въ общественномъ процессѣ производства сельское хозяйство, тѣмъ сильнѣе развивалось общественное раздѣленіе труда, тѣмъ рѣзче дифференцировались функціи производителей и „охранителей". Часть своего труда, либо натурой, либо въ видѣ работы, свободный крестьянинъ отдаетъ на содержаніе своихъ „защитниковъ". Но трудъ этотъ совершается крестьянами на ихъ собственной землѣ, находящейся у нихъ въ общинномъ землевладѣніи. Съ теченіемъ времени эти повинности закрѣпляются. „Повсюду,— говоритъ Марксъ, — барщинный трудъ очень рѣдко оказывается возникшимъ изъ крѣпостничества, напротивъ того, по большей части, крѣпостничество оказывается при этомъ развившимся изъ барщиннаго труда".

„Мы—ваши, а земля—наша". Но другая сторона толкуетъ эти отношенія совсѣмъ иначе. По мѣрѣ того, какъ развивается денежное хозяйство, по мѣрѣ того, какъ земля начинаетъ пріобрѣтать цѣнность, прежній господинъ, успѣвшій уже осѣсть на землю, становится помѣщикомъ. Если прежде „по праву" ему принадлежали лишь личныя услуги свободныхъ крестьянъ, то теперь крестьянскія „повинности" доказываютъ, что они сидятъ на его землѣ: иначе, зачѣмъ бы они выполняли эти повинности? „Трудъ свободныхъ земледѣльцевъ на ихъ собственной землѣ, находившейся у нихъ въ общинномъ владѣніи, превращается въ барщинный трудъ на людей, отнявшихъ ихъ общую собственность". (Марксъ). Только путемъ юридической фикціи общинныя земли, бывшія въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ членовъ общины —пастбища, лѣса, воды и т. д.—превращаются въ собственность помѣщика, феодала. То обстоятельство, что крестьяне имѣютъ право пользоваться безвозмездно всѣми этими угодьями, начинаетъ служить доказательствомъ особой „милости" со стороны помѣщика.

Подобный же процессъ совершился и въ отношеніяхъ русскихъ крестьянъ къ помѣщикамъ. Вопреки мнѣнію В. Ильина *), помѣщики въ теченіе всего періода господства крѣпостного права не надѣляютъ крестьянъ землею, а обдѣляютъ ихъ. Все больше и больше регламенти-

*) В. Ильинъ. Развитіе капитализма въ Россіи.

руется право крестьянъ пользоваться „господскими“ лѣсами и все чаще увеличивается помѣщичья запашка за счетъ крестьянской, все чаще и чаще производятся отрѣзки отъ крестьянской земли. Не смотря на протесты крестьянъ, ихъ земля превратилась въ дворянскую или государственную.

Только положеніе 19-го февраля освятило окончательно право помѣшиковъ на никогда не принадлежавшія имъ земли, только оно лишило окончательно крестьянъ права пользоваться лѣсомъ и всѣми общинными угодьями, котораго не успѣли ихъ лишить помѣщики въ теченіе всего періода крѣпостного права. А что эти отрѣзки были произведены, должны были признать и редакціонныя комиссіи, сдѣлавъ при опредѣленіи низшихъ размѣровъ надѣла, лживое увѣреніе, что „въ великорусскихъ губерніяхъ отобраніе земель у крестьянъ не было общимъ явленіемъ, а было рѣдкимъ исключеніемъ“, и уничтожая это заявленіе оговоркой, что „въ большей части случаевъ надѣлъ не уничтожался, а только уменьшался для образованія помѣщичьихъ запашекъ“. И въ этомъ смыслѣ можно сказать, что *Положеніе 19 февраля закончило длившуюся вѣками операцію „урѣзыванія“ крестьянскихъ земель единовременной колоссальной „урѣзкой“ и къ массѣ отрѣзковъ, совершенныхъ до 1861 г., т. е. до уничтоженія крѣпостного права, прибавило и пресловутые отрѣзки, совершенные при уничтоженіи крѣпостного права.*

И ничего не добивались такъ упорно наши помѣщики,—не „крѣпостники“, а просвѣщенные либералы,—какъ признанія закономъ, что имъ принадлежитъ вся земля, находящаяся въ пользованіи крестьянъ, что они архивеликодушны, когда надѣляютъ ихъ клочками ихъ же земли за разбойническій выкупъ. Такъ называемая „жертва дворянства“ была закланіемъ крестьянства во имя интересовъ всероссійскаго дворянства. На алтарь отечества оно приносило, какъ и всегда, крестьянское достояніе.

И лишь для такихъ изслѣдователей, какъ П. Струве, который, вслѣдъ за защитниками интересовъ нашего землевладѣнія, утверждаетъ, что „крестьяне никогда не сидѣли на своей землѣ“, возможна идеализація роли дворянства въ эпоху освобожденія крестьянъ.

Передъ освобожденіемъ дворяне „владѣли“ 105 мил-

лiонами десятинъ. Уступая часть этой земли, дворяне великодушно уступали то, что не принадлежало имъ. Начиная отъ злѣйшихъ реакціонеровъ и вплоть до самыхъ красныхъ либераловъ, дворянство употребляло всѣ усилія, чтобы сохранить за собой не только старую господскую запашку, но, какъ я уже сказалъ, и отрѣзать возможно больше отъ той земли, которая находилась въ хозяйственномъ пользованіи крестьянъ при крѣпостномъ правѣ. Всѣ споры, напримѣръ, которые происходили въ губернскихъ комитетахъ и редакціонныхъ комиссіяхъ, вращались вокругъ вопроса о томъ, сколько можно отрѣзать у крестьянъ земли безъ риска вызвать всеобщее возстаніе. Борьба, которую и Иваюковъ и другіе историки, особенно Джаншіевъ, изображаютъ, какъ борьбу крѣпостниковъ съ либералами, на самомъ дѣлѣ была лишь борьбой не знающихъ мѣры въ своей жадности волковъ и болѣе умѣренныхъ хитроумныхъ лисицъ.

Въ какихъ размѣрахъ были ограблены крестьяне 19-го февраля 1861 г., трудно сказать. Всяко бывало. Условія, на которыхъ происходило освобожденіе крестьянъ, были очень разнообразны, но при всемъ своемъ разнообразіи они сводились къ желанію, такъ или иначе, но ограбить крестьянъ.

Изъ данныхъ, приведенныхъ у П. Милюкова, видно, что дворянскіе комитеты хотѣли отрѣзать половину бывшей въ надѣлѣ у крестьянъ земли, но имъ пришлось удовольствоваться въ общемъ одной пятой. И не рискуя сильно ошибиться, можно выставить слѣдующее положеніе: чѣмъ больше было отрѣзано земли у крестьянъ до уничтоженія крѣпостного права, тѣмъ меньше было отрѣзано при уничтоженіи его.

Положеніе 19-го февраля было, вопреки нашимъ либеральнымъ апологетамъ „эпохи великихъ реформъ“, *великимъ актомъ единовременной экспропріаціи крестьянства въ пользу дворянства, оно было, въ то же время, звѣрскимъ актомъ длившагося вѣками процесса насильственной экспропріаціи крестьянства*. За нимъ должна была послѣдовать уже эра „мирной“ экспропріаціи.

Откровенно наглую форму эта „великая“ экспропріація получила въ такъ называемомъ „дарственномъ“ или „нищенскомъ“ надѣлѣ. Крестьяне, согласившись принять $^1/_4$ указнаго надѣла, этимъ самымъ признавались совер-

шенно свободными отъ какихъ-либо обязательствъ по отношенію къ помѣщичьей власти. И не одна сотня тысячъ крестьянъ (около милліона) поспѣшила воспользоваться этимъ способомъ, чтобы покончить свои отношенія къ „великодушнымъ“ господамъ.

Милліоны дворовыхъ были отпущены на волю безъ кола и двора. Также безцеремонно поступили съ горнозаводскими рабочими крестьянами. Ихъ оставили почти безъ земли.

Такъ „надѣлены“ были русскіе крестьяне въ славный день 19-го февраля 1861 г.

III.

Но, скажетъ намъ г. П. Струве, „ни крестьяне кіевской Руси, ни крестьяне московской Руси не были землевладѣльцами, они обрабатывали чужую, частновладѣльческую или княжескую землю“. И въ этомъ случаѣ нужна не малая доза лицемѣрія, чтобы говорить о матеріальныхъ жертвахъ со стороны дворянства. Не назовемъ же мы „жертвой“ продажу своей собственности по цѣнѣ, превышающей ея настоящую цѣну чуть не вдвое или втрое!

А такой „жертвой“ была пресловутая выкупная операція. Выкупъ допускался, даже при желаніи крестьянъ, только съ согласія помѣщика; помѣщики же могли требовать выкупа и безъ согласія крестьянъ,—однимъ словомъ, всегда, когда это было выгодно имъ. Предоставляемъ слово П. Милюкову. Хотя онъ убѣжденъ, что крѣпостное право было снесено у насъ однимъ „почеркомъ пера“, что русское государство, не въ примѣръ прочимъ, являлось не результатомъ классовой дифференціаціи, а наоборотъ, само создавало классы, онъ все-таки чувствуетъ всю классовую подкладку выкупной операціи.

„Разъ идея обязательности была устранена, продажа крестьянамъ земли могла сдѣлаться для помѣщиковъ даже выгодной операціей. Все зависѣло тутъ отъ условія продажи. Онъ могъ съ выгодой для себя уступить крестьянину такой маленькій клочекъ земли, который самъ по себѣ не обезпечивалъ бы ему средствъ для существованія и для уплаты повинностей... Въ сѣверной нехлѣбородной половинѣ Россіи разстаться съ землей помѣщику было еще легче. Здѣсь онъ уже и прежде, большею

частью, не занимался хозяйствомъ и даже не жилъ въ деревнѣ, а получалъ съ крестьянъ, за всѣ ихъ обязанности, круглую цыфру „оброка". Трудность при развязкѣ крѣпостныхъ отношеній была тутъ другая. Земля была не нужна помѣщику, потому что съ нея здѣсь немного можно было выручить; но и крестьянинъ выручалъ въ этой мѣстности барскій оброкъ не съ земли, а съ промысловъ, служившихъ здѣсь издавна подспорьемъ земледѣлію. Стало быть, отдавъ крестьянину землю за то, что она здѣсь стоила, помѣщикъ не вознаградилъ бы себя за потерю оброка; такъ или иначе онъ долженъ былъ добиться вознагражденія не за одну землю, но также и за теряемое имъ право на промышленный трудъ крестьянина. Въ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ прямо разсчитывалъ получить выкупъ за личность крѣпостного".

Послѣдняя задача была блестяще выполнена. До 1859 г. „правящая корпорація" все еще не хотѣла отказаться отъ мысли отнять у крестьянъ всю землю. А когда выяснилась необходимость сдѣлать эту уступку, нужно было помирить „крѣпостниковъ" съ такой непріятностью, какъ „матеріальное пожертвованіе". Нужно было обставить выкупную операцію такъ, чтобы она съ избыткомъ вознаграждала „собственника" какъ за теряемую имъ личность крѣпостного, такъ и за землю, которою онъ „надѣлялъ" крестьянъ. Выкупная сумма должна была представлять не только цѣнность земли, но и капитализированную стоимость рабочей силы. Дѣйствительная цѣна земли увеличивалась въ два или три раза, и нужно было только придумать способъ, который заставлялъ бы крестьянъ добровольно соглашаться на невыгодную для нихъ сдѣлку. И долго ломали себѣ голову наши народолюбивые либералы,—всѣ—ярые защитники идеи выкупа,—пока нашли такое средство, пока придумали способъ и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти.

Въ чемъ же состояло это средство? Какъ извѣстно, Положеніе устанавливало двѣ нормы душевого надѣла: одна представляла высшій размѣръ душевого надѣла (душа ревизская), другая—низшій. Низшій размѣръ всюду равнялся $^1/_3$ высшаго. Гдѣ находившіеся въ пользованіи крестьянъ надѣлы были выше указныхъ, тамъ и производились эти отрѣзки. Въ большихъ имѣніяхъ, т. е. въ имѣніяхъ наиболѣе вліятельной части дворянства, кото-

рой принадлежало большинство крѣпостныхъ, крестьяне получили надѣлъ, почти равный низшей нормѣ.

За отводимый надѣлъ назначался соотвѣтственный оброкъ. Высшему надѣлу по каждой мѣстности соотвѣтствовалъ и высшій размѣръ оброка съ душевого участка: такъ, напримѣръ, для имѣній, находившихся не далѣе 25 верстъ отъ Петербурга—12 руб., для остальныхъ, а также для губерній Московской, Ярославской и т. д.—10 руб. Но какъ же вычислялся этотъ оброкъ по количеству десятинъ въ случаѣ уменьшенія его сравнительно съ высшимъ надѣломъ? Вѣроятно, прямо пропорціонально уменьшенію надѣла? Какъ бы не такъ! Это было бы черезчуръ просто. Расчисленіе производилось иначе: въ первой, нечерноземной полосѣ, на первую десятину относилось при двѣнадцати-рублевомъ оброкѣ шесть рублей, т. е. половина всего оброка. На вторую десятину отводимаго надѣла 1/4 высшаго оброка, т. е, въ нашемъ случаѣ—три рубля, а остальная 1/4 оброка распредѣлялась на всѣ остальныя десятины надѣла. Такимъ образомъ, уже на первыя двѣ десятины падали 3/4 оброка, а при переходѣ на выкупъ, 3/4 всѣхъ выкупныхъ платежей. Ясно, что этотъ способъ вычисленія выкупныхъ платежей былъ придуманъ, чтобы удержать крестьянъ нечерноземной полосы, гдѣ оброкъ часто получался помощью неземледѣльческихъ промысловъ, отъ отказа отъ земли. Взявши одну десятину, крестьянинъ не имѣлъ уже разсчета отказаться отъ остальныхъ: тяжела была только первая. Такой способъ пошелъ въ прокъ и помѣщикамъ черноземной полосы, которые съ радостью ухватились за него. Вѣдь имъ, въ противоположность нечерноземнымъ, такимъ образомъ выдавалась премія за недостаточное „надѣленіе“ крестьянъ землею.

Какой же „быстрый разумомъ Невтонъ“ придумалъ этотъ способъ? Не „крѣпостники“ ли выдвинули изъ своей среды этого хитроумнаго Одиссея? Нѣтъ. То были красные тверитяне-либералы. Они и вообще были горячими защитниками идеи выкупа. Какъ мы сейчасъ увидимъ, они же нашли средство успокоить всѣ страхи и опасенія „крѣпостниковъ“ и воочію доказали, какъ далеки они были отъ желанія „ограбить помѣщиковъ“.

Послушаемъ ихъ лидера Унковскаго, пріобрѣвшаго, по словамъ Джаншіева, „громкую всероссійскую извѣст-

ность своею честною, мужественною, благородною дѣятельностью на пользу народа".

„Когда пришлось разрѣшить вопросъ о способѣ опредѣленія суммы оброка, а, слѣдовательно, и капитализаціи ея для выкупа, мы всѣ стали въ тупикъ. Крѣпостники требовали производства кадастра, при чемъ дѣло затянулось бы на многіе годы. У насъ же не было никакихъ основаній. Тогда насъ вывелъ изъ этого важнаго затрудненія Модестъ Воробьевъ. Онъ предложилъ ту систему, которая была принята не только нами, но и правительствомъ. Редакціонныя комиссіи только измѣнили разсчетъ, понизивъ нѣсколько оброкъ за первыя десятины, а возвысивъ за третью и четвертую, но мысль дана покойнымъ Воробьевымъ въ видахъ ускоренія дѣла"! Мы имѣемъ свидѣтельство и другого корифея „тверитянъ-либераловъ", А. Головачева; „Дѣйствительно, Воробьевъ предложилъ опредѣлить денежную повинность за четырехъ-десятинный надѣлъ крестьянъ въ девять рублей, относя на первую десятину большую сумму и понижая ее за вторую, третью и четвертую". Нужно ли еще удивляться, что послѣ этого большинство и меньшинство Тверскаго комитета, либералы и „крѣпостники" такъ трогательно сошлись на опредѣленіи повинностей крестьянъ!

Такимъ образомъ, именно тверитянамъ-либераламъ, „орламъ приснопамятной эпохи", какъ ихъ называетъ Кавелинъ, русское крестьянство обязано благодарностью за ту несоразмѣрность выкупныхъ платежей съ доходностью крестьянской земли, которая обстоятельно была доказана еще покойнымъ Янсономъ. Такъ, въ Новгородской губерніи при высшемъ надѣлѣ платежи составляли 180—210% дохода, при низшихъ—275—365%, въ Московской губ.—205%, въ архилиберальной Тверской губ.—252%, въ Смоленской—220%, въ Костромской—240% въ Псковской—213% въ Владимирской—276% въ Вятской—200%.

И только изъ подъ палки „Народной Воли" правительство рѣшилось, наконецъ, указомъ 28 декабря 1881 года уменьшить эту ни съ чѣмъ несоразмѣрную тяжесть и ввести, наконецъ, обязательный выкупъ, другими словами, положить конецъ формальному крѣпостному праву въ лицѣ такъ называемыхъ „временно-обязанныхъ" кресть-

янъ. Такъ, польское возстаніе заставило правительство уже въ 1863 г. понизить выкупные платежи въ юго-западныхъ и западныхъ губерніяхъ и сдѣлать выкупъ обязательнымъ.

Сколько же получили денегъ дворяне за никогда не принадлежавшую имъ землю? Около *милліарда* руб., такъ какъ отъ 1862 года до 1 января 1894 года въ карманы „великодушныхъ" помѣщиковъ попало 895.879.473 руб. И „царь-освободитель" былъ вполнѣ правдивъ, когда говорилъ въ засѣданіи государственнаго совѣта, 28 января 1861 года, что „все, что можно было сдѣлать для огражденія выгодъ помѣщиковъ, сдѣлано". Ему, правда, доказали, что можно еще больше сдѣлать: государственный совѣтъ успѣлъ еще уменьшить для многихъ мѣстностей максимумъ надѣла и ввелъ дарственный надѣлъ.

Замаскированный выкупъ личности крестьянина, дарственный или нищенскій надѣлъ, несоразмѣрные выкупные платежи, крупные отрѣзки и отъ той земли, которою крестьяне пользовались при паденіи крѣпостного права, сохраненіе крѣпостной зависимости на два года, на все время составленія уставныхъ грамотъ, замѣна ея на неопредѣленное время „временно-обязанными отношеніями", окончательное лишеніе почти всѣхъ пастбищъ, луговъ и лѣсовъ — всего этого вполнѣ достаточно, чтобы объяснить „недоразумѣнія" или, говоря неоффиціальнымъ языкомъ, бунты, которыми сопровождалось введеніе въ силу Положенія 19-го февраля. По выраженію одного моего знакомаго крестьянина, имъ дали не волю, а *въ волю*... розогъ и пуль и песковъ.

И если русская эмансипація отличается чѣмъ-либо отъ западно-европейской, то развѣ только крупнымъ масштабомъ, въ которомъ совершена была экспропріація крестьянства и наглымъ лицемѣріемъ, съ которымъ актъ самаго беззастѣнчиваго грабежа прикрытъ былъ фразеологіей дешеваго либерализма!

Освобожденное, да и то не вполнѣ, юридически, обезоруженное экономически, крестьянство брошено было на полный произволъ помѣщикамъ. Уже черезъ десять лѣтъ податная комиссія должна была засвидѣтельствовать полное разореніе крестьянства, а черезъ 15 лѣтъ оно, устами Петра Алексѣева, рисовало такую картину своего положенія: „Если оглянемся назадъ, то получаемъ полное разочарованіе, и если при этомъ вспомнимъ незаб-

венный, предполагаемый день для русскаго народа, день въ который онъ, съ распростертыми руками, полный чувства радости и надежды облегчить свою будущую судьбу, благодарилъ царя и правительство—19 февраля. И что же? И это для насъ было только одной мечтой и сномъ!.. Эта крестьянская реформа 19 февраля 1861 года, реформа, „дарованная“, хотя и необходимая, не обезпечиваетъ самыя необходимыя потребности крестьянина. Мы попрежнему остались безъ куска хлѣба, съ клочками никуда негодной земли и перешли въ зависимость къ капиталисту“.

IV.

„Дарованная“, хотя и необходимая! Алексѣевъ былъ совершенно правъ: реформа 19 февраля была исторической необходимостью. И она была „дарована“ именно потому, что господствующимъ классамъ не оставалось другого выхода.

Какъ и въ Западной Европѣ, какъ и въ Японіи, паденіе крѣпостного права было обусловлено кореннымъ измѣненіемъ соціально-экономическихъ отношеній. „Натуральное“ хозяйство все больше уступало мѣсто денежному, простое товарное обращеніе все больше переходитъ въ капиталистическое товарное обращеніе, прибавочный продуктъ все больше принимаетъ форму прибавочной стоимости. „Народное хозяйство“ или, вѣрнѣе, крѣпостной укладъ съ характеризующими его барщинными отношеніями смѣняется соціально-экономическимъ укладомъ, который является провозвѣстникомъ капитализма съ эксплуатаціей „свободнаго“ рабочаго: быстро развивается „капитализмъ на барщинной основѣ“.

Измѣняется и характеръ участія Россіи во внѣшней торговлѣ. Выбрасываемые ею на всемірный рынокъ товары все больше и больше являются „произведенными товарами“. Это уже не старые продукты „отъ избытка“, облекающіеся въ товарную форму только вслѣдствіе того, что они попадали въ торговлю. Штемпель „произведено для продажи“ накладывается на нихъ уже дома.

Дѣло въ томъ, что во второй половинѣ 18 вѣка всемірный рынокъ совершенно измѣняетъ свой характеръ. Капиталистическое товарное обращеніе, развивающееся изъ „простого товарнаго обращенія“ внутри каждой отдѣльной страны, начинаетъ господствовать и на всемір-

номъ рынкѣ. Послѣдній измѣняется кореннымъ образомъ не только количественно, но и качественно, и превращается все больше въ капиталистическій всемірный рынокъ. „Благородные“ товары, безвозбранно царившіе до тѣхъ поръ во всемірной торговлѣ, все больше теряются въ огромныхъ потокахъ „плебейскихъ“ товаровъ, наполняющихъ теперь резервуары всемірнаго рынка.

Идущая во главѣ этого развитія Англія все больше превращается въ фабрику, перерабатывающую всякое сырье. Россія, когда то вывозившая пушной товаръ, воскъ и медъ, во второй половинѣ 18 вѣка доставлявшая пеньку, кожи, лѣсъ и сало, въ первой половинѣ 19 вѣка становится поставщицей сначала пшеницы, а потомъ овса. Торговые интересы Россіи, какъ страны, вывозящей сырье —и главнымъ образомъ въ Англію,—заставили ее отказаться уже въ 1810 году отъ континентальной системы. Отказъ этотъ явился одной изъ главныхъ причинъ отечественной войны. Уже Рикардо могъ въ своей полемикѣ съ англійскими „аграріями“ указывать, что вывозъ хлѣба сталъ для Россіи экономической необходимостью.

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ Россія начинаетъ вытѣснять Германію съ англійскаго рынка и становится главной соперницей Венгріи. Въ «Zur Kritik der Politischen Oekonomie“ Марксъ говоритъ, что усиленный ввозъ русскаго хлѣба въ Англію въ 1838—1842 гг. доказываетъ, что русскіе помѣщики уже прекрасно понимаютъ, что такое деньги. Такъ вывезено было пшеницы:

Въ 1800 г.	5.453.000	пуд.	Въ 1831 — 1840 г.	15.832 000	пуд.
„ 1801 — 1810	5.847.000	„	„ 1841 — 1850	28.312.000	„
„ 1811 — 1820	11.088.000	„	„ 1851 — 1860	34.971.000	„
„ 1821 — 1830	10.994.000	„			

Также быстро росла и внутренняя торговля. Обороты двухъ главныхъ ярмарокъ: Нижегородской и Ирбитской достигаютъ въ серединѣ 19 столѣтія громадныхъ размѣровъ. Такъ, на Нижегородскую ярмарку:

	привезено:	продано:
Въ 1840 г.	на 47.265.000 р.	на 38.829.000 р.
„ 1841 — 1850	„ 52.762.000 „	„ 44.504.000 „
„ 1851 — 1860	„ 77.511.000 „	„ 69.783.000 „

Цѣны на хлѣбъ, хотя и продолжаютъ еще сильно отличаться въ различныхъ мѣстностяхъ, все же нивел-

лируются въ очень сильной степени въ сравненіи даже съ 18 столѣтіемъ.

Развивается и индустрія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Если въ 1765 году насчитывалось всего 262 фабрики съ 37.862 рабочими, то въ 1826 году мы имѣемъ таковыхъ 5261 съ 202.000 рабочими, а въ 1854 году — 9.944 съ 459.637 рабочими. Уже въ 1801 году изъ 95.202 рабочихъ — вольнонаемныхъ было 45.625. Вмѣстѣ съ усиленіемъ вывоза льна начинаетъ развиваться хлопчатобумажная промышленность. Такъ, въ десятилѣтіе 1801—1810 ввозилось въ среднемъ 23.900 пуд. хлопка, въ 1821—1830 еще 85.300 пудовъ, а въ 1841—1850 уже 821.500 пуд. и въ 1851—1860—2.143.500 пудовъ.

Въ 1829 году устраивается первая всероссійская мануфактурная выставка, а въ 1851 году Россія принимаетъ участіе въ первой всемірной выставкѣ въ Лондонѣ. Наконецъ въ 1857 году Россія получаетъ капиталистическое „крещеніе“: очень слабо затронутая кризисомъ 40-хъ годовъ, она уже въ довольно сильной степени испытываетъ на себѣ вліяніе всемірнаго кризиса 50-хъ годовъ. Эти глубокія измѣненія въ соціально-экономическомъ укладѣ страны въ свою очередь вызвали не менѣе глубокія измѣненія и въ классовой структурѣ всего общества.

Образовался новый классъ промышленныхъ предпринимателей, для которыхъ крѣпостное право являлось нестерпимой обузой. Помѣщичьи фабрики не могутъ выдерживать конкуренціи вольнонаемнаго труда, и къ 40-мъ годамъ 19 столѣтія начинаютъ постепенно закрываться. Не лучше шло дѣло и на такъ называемыхъ поссессіонныхъ фабрикахъ и заводахъ. Опутанные сѣтями правительственной регламентаціи, связанные въ „свободномъ“ распоряженіи рабочими силами, эти фабрики и заводы значительно падаютъ въ цѣнности. Зато фабрики, работающія вольнонаемнымъ трудомъ, развиваются все сильнѣе и вмѣстѣ съ этимъ увеличивается число вольнонаемныхъ рабочихъ. И правительство сравнительно раньше начинаетъ „озабочиваться“ судьбой торговли и промышленности. Въ приведенной уже мною рѣчи Николай говоритъ, что „крѣпостное право причиной тому, что у насъ нѣтъ торговли, промышленности“. Въ запискахъ славянофиловъ этотъ мотивъ составляетъ посто-

янный припѣвъ: крѣпостное право стѣсняетъ „предпріимчивость“, задерживаетъ обращеніе капиталовъ и т.д. и т.д.

Еще болѣе глубокія измѣненія вызваны были указаннымъ экономическимъ развитіемъ въ средѣ господствующаго класса, въ средѣ дворянства. Чѣмъ больше въ старыя барщинныя отношенія вторгается категорія мѣновой стоимости, чѣмъ скорѣе старое крѣпостное хозяйство смѣняется капиталистическимъ хозяйствомъ на барщинной основѣ, тѣмъ больше старый феодалъ превращается въ современнаго сельскаго хозяина, тѣмъ сильнѣе нуждается онъ въ деньгахъ. Если еще въ началѣ 19 столѣтія отдача имѣнія въ залогъ казалась сложнымъ и смѣлымъ оборотомъ, то во второй четверти его помѣщики въ запуски начинаютъ производить эту операцію. Уже въ 1843 году въ государственномъ заемномъ банкѣ и сохранныхъ казнахъ было заложено 5.575.515 душъ мужскаго пола, въ 1852 году 5.843.765 душъ мужскаго пола, а такъ какъ по девятой ревизіи (1851 г.) всего крѣпостныхъ было 10.708.856 душъ мужскаго пола, то слѣдовательно заложено было 54% крѣпостныхъ. Къ 1 января 1856 года число заложенныхъ душъ составляетъ уже 6.028.794.

По 10 ревизіи на Евр. Россію приходилось 103.158 имѣній съ 10.682.400 д. Изъ этого числа состояло, въ 1859 г. въ залогѣ: 44.166 имѣній съ 7.107.184 д., на общую сумму въ 425.503.061 р. Слѣдовательно, *въ залогѣ* было болѣе двухъ пятыхъ (42,8%) всѣхъ помѣщичьихъ имѣній и двѣ трети (66,5%) всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Понятно, какъ хотѣлось „благородному“ дворянству освободиться отъ уплаты процентовъ по этимъ долгамъ, да еще пріобрѣсти „капиталъ, необходимый для поддержанія помѣщичьихъ хозяйствъ и приспособленія ихъ къ обработкѣ наемными руками“ *). Мы видѣли уже, какъ лидеръ тверскихъ либераловъ, по мнѣнію котораго сама „справедливость требовала, чтобы, при освобожденіи крестьянъ помѣщики были вознаграждены какъ за землю, отходящую изъ ихъ владѣнія, такъ и за самихъ освобождаемыхъ крестьянъ“, достигъ этой цѣли и какъ ему удалось примирить съ мыслью объ освобожденіи крестьянъ съ землей даже черноземныхъ помѣщиковъ.

Замѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ дѣлала те-

*) Слова Унковскаго.

перь для помѣщиковъ „не выносимымъ" цѣлый рядъ обязанностей по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. „Помѣщики,—писалъ въ запискѣ 1845 года такой завзятый реакціонеръ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій—сами начинаютъ понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ и что было бы желательно измѣнить эти обоюдно-невыгодныя отношенія. Къ сему повели мало-по-малу возвысившаяся цѣнность и недостатокъ земель, неопредѣленность крестьянскихъ обязанностей и возникающіе изъ этого раздоры, частые неурожаи и тяжкая обязанность кормить крестьянъ въ такихъ случаяхъ на свой счетъ, безпечность крестьянина, который, принадлежа барину и привыкнувъ видѣть въ немъ опекуна своего, самъ о себѣ не заботится".

Особенное значеніе имѣло возвышеніе цѣнности земли въ средней и южной черноземной полосѣ. Массовое производство хлѣба, какъ для вывоза, такъ и для потребностей винокуренія и воздѣлываніе свекловицы, имѣвшее по словамъ Самарина, огромное вліяніе на правобережную Украйну, вызывало требованіе на вольнонаемный трудъ и наглядно показывало его выгодность. „Опыты обработки земель,—говоритъ тотъ же Перовскій,—наемными людьми въ губерніяхъ: Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и другихъ показали, что тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ рукахъ, владѣлецъ ненаселенной земли при подобномъ хозяйствѣ оставался въ выигрышѣ противу помѣщиковъ".

Процессъ приспособленія къ новымъ условіямъ сопровождался процессомъ дифференціаціи и среди самаго дворянства *). Легче всего приспособлялись къ новымъ условіямъ крупные помѣщики, тяжелѣе приходилось мелкопомѣстнымъ. И нигдѣ положеніе крестьянъ не было такъ плохо, какъ именно у послѣднихъ. Конечно, число этихъ крестьянъ было очень невелико. Изъ всего числа 106897 дворянъ, 3703 не имѣли вовсе земли и владѣли только людьми, приписанными къ домамъ, 58000 — владѣли среднимъ числомъ по 77 ревизскихъ душъ, а 31000—по 49. Князь Васильчиковъ, у котораго приво-

*) По таблицамъ, составленнымъ Кеппеномъ, въ 1834 году считалось помѣщичьихъ семействъ, владѣвшихъ 1000 и болѣе душами, 1453. Имъ принадлежало около одной трети всѣхъ крѣпостныхъ, а именно 3556959 ревизскихъ душъ, вмѣстѣ же съ 2273 помѣщиками, владѣвшими 1562831, 5119790 ревизскихъ душъ, т. е. больше половины всѣхъ крѣпостныхъ. За ними слѣдовали помѣщики, имѣвшіе отъ 100 до 500 душъ. Ихъ было 16740 семействъ съ 3634194 ревизскими душами.

дятся эти данныя, дѣлаетъ очень интересное замѣчаніе:

„Въ послѣднее время, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, этотъ классъ мелкопомѣстныхъ дворянъ сдѣлалъ огромные успѣхи въ образованіи, едва-ли не большіе, чѣмъ высшее дворянство. Пользуясь образовательными средствами, сосредоточенными въ столицахъ и городахъ, молодые люди проходили высшіе учебные курсы и изъ нихъ постепенно набирались ученые и литераторы, художники, армейскіе офицеры и гражданскіе чиновники, дворяне по роду и племени, но составлявшіе главную оппозицію противъ крѣпостного права и аристократическаго преобладанія крупнаго землевладѣнія". Изъ этой сферы вышли наиболѣе радикальные дѣятели 40-хъ и 60-хъ годовъ, они же дали главный контингентъ будущихъ „кающихся дворянъ". Умѣренные элементы среди нашихъ „эмансипаторовъ", какъ это уже было отмѣчено Романовичемъ-Славатинскимъ почти всѣ вышли изъ рядовъ средняго дворянства *).

Въ общемъ процессѣ разложенія старыхъ общественныхъ отношеній не устояло и духовенство. Особенно сильно пострадало низшее, преимущественно сельское духовенство. Хотя и „обремененные многочисленнымъ семействомъ" сельскіе священники могли все-таки кое какъ сводить концы съ концами, пока господствовало натуральное хозяйство. Но съ нашествіемъ „вражьей силы" все измѣнилось. Излишнія „потребительныя стоимости", прежде, за неимѣніемъ сбыта, щедро раздававшіяся богови и его служителямъ, теперь превращались въ наличныя деньги, и на долю сельскаго духовенства оставались только жалкія крохи. Оно усиленно выдѣляетъ изъ своей среды все новыхъ пролетаріевъ, переполняющихъ бурсы и академіи, и въ лицѣ „разночинцевъ" вмѣстѣ съ „кающимися дворянами" составляетъ главные кадры „мыслящаго пролетаріата". Уже въ крестьянскихъ движеніяхъ *Вологодской* губ., какъ и въ значительной части другихъ таковыхъ же движеній въ концѣ XVIII вѣка и въ XIX вѣкѣ, большое участіе въ пользу крестьянъ принимаетъ сельское духовенство — „тѣ же мужики, только что грамотные", по выраженію Поздѣева.

---

*) У Пушкина можно найти не мало мѣстъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ велика была рознь интересовъ въ средѣ самого дворянства, но особенно ярко она отразилась въ поэзіи М. Лермонтова, который получилъ воспитаніе въ атмосферѣ, проникнутой ненавистью «игрою счастія обиженныхъ родовъ» противъ надменныхъ потомковъ всякихъ «деньщиковъ и нѣмчихъ холоповъ», какъ ихъ презрительно называлъ Пушкинъ, самъ «родовъ униженныхъ обломокъ».

V.

Мы видимъ, что почва для „великой реформы" была вполнѣ подготовлена. Но будь „реформа" тысячу разъ необходима, она „дается" только въ томъ случаѣ, когда ее настоятельно и очень настоятельно „требуютъ". Еще Радищевъ, одинъ изъ первыхъ мучениковъ народнаго дѣла въ Россіи, сказалъ, что народъ получитъ свободу, „если того восхочетъ". И мы сейчасъ увидимъ, что тотъ же самый соціально-политическій процессъ, который измѣнилъ и перетасовалъ сословныя отношенія крѣпостного общественнаго строя, подѣйствовалъ не менѣе сильно на народъ и стимулировалъ въ немъ „хотѣніе" раздѣлаться съ крѣпостнымъ правомъ.

Закрѣпощеніе русскаго крестьянина такъ же мало является результатомъ „одного почерка пера", какъ и его раскрѣпощеніе. Обусловленный измѣненіями въ соціально-экономической структурѣ общества, этотъ процессъ совершался далеко не „мирнымъ" путемъ. Бунтъ Стеньки Разина показываетъ, какъ трудно было прикрѣпить къ землѣ русское крестьянство. Но пока въ основѣ крѣпостного права лежало натуральное хозяйство, пока главнымъ стимуломъ помѣщичьяго хозяйства являлось удовлетвореніе потребностей помѣщика и его семьи, отношенія помѣщика и крестьянъ носили еще совершенно патріархальный характеръ. Помѣщикъ и помѣщица были „родными отцомъ и матерью", „благодѣтелями", а крестьяне дѣтьми, которыхъ, если и „вразумляли" время отъ времени, то всегда въ „мѣру". Все это измѣнилось, какъ только стимуломъ производства явилась прибавочная стоимость. „Когда,—говоритъ Марксъ.—народы, у которыхъ производство представляется еще въ сравнительно болѣе низкихъ формахъ рабскаго труда и т. д., являются на всемірный рынокъ, подчиняющійся законамъ капиталистическаго производства, и когда продажа ихъ продуктовъ заграницу развивается до такой степени, что становится ихъ главнѣйшимъ интересомъ,—то къ варварскимъ ужасамъ рабства, крѣпостничества прибавляются цивилизованные ужасы, порождаемые чрезмѣрнымъ трудомъ".

Пугачевщина была первымъ сигналомъ вызваннаго этимъ новымъ процессомъ возмущенія. Павелъ I долженъ

быль поставить границы этой алчной погонѣ за прибавочнымъ трудомъ крестьянъ, ограничивъ барщину — правда, только на бумагѣ — тремя днями. Барщина превращается въ настоящую каторгу. Патріархальный характеръ старой барщины, сопровождавшейся обильнымъ угощеніемъ со стороны „отца-благодѣтеля“, исчезаетъ, уступая мѣсто скупой расчетливости. Пока добываемые барщиной крестьянъ продукты осѣдали въ видѣ запасовъ въ помѣщичьихъ амбарахъ, клѣтяхъ и т. п., пока они не находили никакого сбыта, крѣпостное право стояло непоколебимо. Помѣщичьи запасы, превращенная форма старыхъ общинныхъ запасовъ, играли роль страховыхъ учрежденій для крестьянъ на случай неурожая, давали помѣщикамъ возможность кормить всякихъ „бездомныхъ“, убогихъ, калѣкъ, замѣняя, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ монастырями, дома призрѣнія для бѣдныхъ и увѣчныхъ. Изъ „отца-благодѣтеля“ помѣщикъ, охваченный auri sacra fame *), превращается въ сельскаго хозяина, безжалостно пускающаго по-міру своихъ же крестьянъ.

Но, чтобы понять все ожесточеніе крестьянъ, нужно вспомнить, что рядомъ съ усиленіемъ эксплуатаціи личнаго труда крѣпостныхъ шла самая беззастѣнчивая экспропріація крестьянской земли. И то, что такимъ изслѣдователямъ, какъ П. Струве, кажется только экстенсивнымъ распространеніемъ барщины, на самомъ дѣлѣ является ея интенсификаціей, какъ путемъ увеличенія степени эксплуатаціи крестьянскаго труда, такъ и путемъ расширенія помѣщичьей запашки за счетъ крестьянской и превращенія крестьянъ въ мѣсячниковъ. Если тотъ же Струве приходитъ къ выводу, что „развивалось и ширилось не крѣпостное право, а крѣпостное хозяйство“, что „крѣпостное право, какъ таковое, не обострялось“, то только потому, что этотъ „марксистъ“ никогда не понималъ, какимъ путемъ проявляется „противорѣчіе“ между отношеніями производства и ихъ юридической оболочкой. Не замѣчая „въ относительно густо населенномъ черноземномъ центрѣ Россіи у помѣщика стремленія отвязаться отъ своихъ крѣпостныхъ работниковъ“, онъ проглядѣлъ въ то же время стремленіе тѣхъ же помѣ-

*) Ненасытной страстью къ золоту.

щиковъ „отвязать" крестьянъ отъ ихъ земли и не менѣе сильное стремленіе крестьянъ отвязаться отъ своихъ крѣпостныхъ владѣльцевъ. Изслѣдователь поставилъ себѣ задачей установить причины, приведшія къ паденію крѣпостного права, и приходитъ къ неожиданному выводу, что крѣпостной строй не созрѣлъ еще для своего паденія!

А между тѣмъ только зараженный классовымъ дальтонизмомъ изслѣдователь можетъ не видѣть, какъ все больше и больше, съ ростомъ капиталистическаго хозяйства на барщинной основѣ, обострялось „противорѣчіе" между крѣпостнымъ хозяйственнымъ строемъ и крѣпостными порядками.

И лучшимъ показателемъ этого обостренія является борьба крестьянства съ помѣщиками. Борьба эта принимала различныя формы. Различные элементы реагировали различнымъ образомъ. Самой естественной формой протеста являлись побѣги. Они особенно усиливаются въ XIX столѣтіи и только ими, да еще усиленной смертностью крѣпостныхъ можно объяснить фактъ уменьшенія числа крѣпостныхъ, засвидѣтельствованный послѣдними ревизіями. Очень знаменателенъ также ростъ числа самоубійствъ среди крѣпостныхъ. Хотя, по словамъ Романовича-Славатинскаго, самоубійцы крѣпостные въ оффиціальныхъ таблицахъ часто показывались въ графѣ скоропостижно умершихъ (такъ въ 1845 г.—6122 чел.) и число ихъ трудно съ точностью установить, несомнѣнно, что эти самоубійства были довольно обыденнымъ явленіемъ *).

Но чувство „оскорбленной совѣсти", выразившееся въ стремленіи такъ или иначеуйти изъ этого міра крѣпостныхъ отношеній, дополняется болѣе активнымъ протестомъ „возмущенной чести". Отъ 1816 до 1837 гг. по оффиціальнымъ даннымъ убито 9 помѣщиковъ, отъ 1837 до 1855 гг. около 150, покушеній на ихъ жизнь совершено около 80. Управляющихъ убито 27 человѣкъ. Всѣ эти цифры ниже дѣйствительности. Число поджоговъ не поддается подсчету. Трудно также опредѣлить точно число избитыхъ и высѣченныхъ крестьянами помѣщиковъ. Хотя эти слу-

*) Такъ, изъ дѣлъ Сквирскаго уѣзднаго суда видно, что въ послѣднее пятилѣтіе существованія крѣпостного права (1855—1860) случаевъ самоубійства, скоропостижной смерти и др. въ уѣздѣ было 443; на каждый годъ 73,33, а въ первое пятилѣтіе по уничтоженіи крѣпостного права (1861—1866) всѣхъ случаевъ 272; на каждый годъ 45,66.

чаи особенно часто повторялись въ послѣдній періодъ существованія крѣпостного права, но сами помѣщики скрывали „скандальные“ для нихъ факты.

Растетъ также, и въ очень сильной степени, число крестьянскихъ бунтовъ. Въ царствованіе Николая I ихъ насчитывается 556, т. е. среднимъ числомъ по 19 волненій въ годъ. Число волненій растетъ до конца 40-хъ годовъ и достигаетъ своего максимума въ 1848—54 гг.

Съ	1826	по	1830	было	41	волненій.
„	1830	„	1834	„	46	„
„	1835	„	1839	„	59	„
„	1840	„	1844	„	101	„
„	1845	„	1849	„	172	„
„	1850	„	1854	„	137	„

За неповиновеніе помѣщикамъ было сослано въ Сибирь крѣпостныхъ въ теченіе 20-ти лѣтъ (1827—1846 гг.)—1030 человѣкъ (827 мужчинъ и 203 женщины).

Къ концу царствованія Николая I стремленіе крестьянъ „отвязаться“ отъ помѣщиковъ было настолько сильно, что мысль о грозящей пугачевщинѣ носилась въ воздухѣ. Особенно ярко это стремленіе крестьянъ высказалось въ волненіяхъ, послѣдовавшихъ за обнародованіемъ въ 1854 году манифеста объ образованіи государственнаго ополченія. Между крѣпостными—чего прежде въ такихъ случаяхъ не бывало—распространился слухъ, что всякій, кто запишется въ ополченіе, получитъ волю съ землей. Напрасно имъ доказывали, что такого закона нѣтъ. Крестьяне продолжали волноваться.

Всѣ эти волненія, грозные предвѣстники приближающейся бури, достаточно показывали, говоря словами Иванюкова, „какъ напряженно было въ народѣ ожиданіе близкаго освобожденія отъ крѣпостной зависимости и какую легко воспламеняющуюся почву представляло крестьянское сословіе въ это время“. Нужно ли еще напоминать такъ часто приводимыя слова Александра II московскому дворянству: „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу“.

Мы видимъ, что Радищевъ былъ правъ. Народъ получилъ свободу, потому что „восхотѣлъ“ ее. Мы видѣли также, какимъ „урѣзкамъ“ подвергнута была эта „дарованная“ свобода. Какъ ни сильно бываетъ по временамъ

возмущеніе крестьянства, оно, по самымъ условіямъ своего существованія, является элементомъ, неспособнымъ къ общему политическому дѣйствію. Представляя только слой населенія, въ которомъ одинаковость интересовъ далеко не всегда сопровождается ихъ общностью, оно, какъ „одинъ человѣкъ“, возстаетъ только тогда, когда его на протяженіи всей страны поражаетъ общій ударъ, вродѣ цѣлаго ряда стихійныхъ бѣдствій. Мѣстные интересы продолжаютъ преобладать. Поэтому, какъ ни сильна иногда его способность сопротивленія, крестьянство легко поддается на удочку разныхъ подачекъ. Политическая активность крестьянства очень невелика даже въ то время, когда крестьянство еще слабо дифференцировано и еще меньше становится она, когда крестьянство подверглось уже сильному воздѣйствію денежнаго хозяйства.

А крѣпостное крестьянство такъ же мало представляло изъ себя нѣчто однородное, какъ и дореформенное дворянство. Оно уже и тогда распадалось на различныя территоріальныя группы съ особыми, хотя и однородными, интересами. Въ губерніяхъ нечерноземной полосы громадное большинство крестьянъ было на оброкѣ. Главные доходы, получаемые съ крѣпостныхъ, состояли въ доходахъ, выручаемыхъ послѣдними изъ неземледѣльческихъ промысловъ. Въ этихъ губерніяхъ многіе крестьяне больше всего стремились освободиться отъ своей личной зависимости и не особенно дорожили землей. Помѣщики, наоборотъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ Унковскаго, старались навязать крестьянамъ пески и болота, чтобы въ выкупѣ за эти ненужныя земли получить выкупъ за личность крестьянина. Въ черноземныхъ губерніяхъ огромное большинство крестьянъ были на барщинѣ, и имъ приходилось бороться съ стремленіемъ помѣщиковъ отвязать ихъ отъ земли. И если союзу черноземныхъ и нечерноземныхъ помѣщиковъ подъ эгидой просвѣщеннаго тверскаго дворянства удалось добиться своей цѣли, то только потому, что крестьянство не способно было ни на что, кромѣ изолированныхъ „стихійныхъ“ бунтовъ.

Но крестьянство было дифференцировано не только территоріально. Ко времени паденія крѣпостного права изъ крестьянства выдѣлились уже зажиточные элементы, находившіеся въ рѣзкомъ антагонизмѣ съ остальной мас-

сой крестьянства. Въ нечерноземной полосѣ это были мелкіе фабриканты изъ крѣпостныхъ крестьянъ, въ черноземной—„хозяйственные мужики“, въ которыхъ Пѣшехоновъ не даромъ видитъ предковъ современныхъ кулаковъ, и изъ которыхъ выбирались бурмистры. Кромѣ того, въ той, и въ другой полосѣ—представители торговаго и ростовщическаго капитала. Эти элементы также вносили рознь въ среду крестьянства и облегчали старую политику господствующихъ классовъ — divide et impera (раздѣляй и властвуй).

Эта же политическая пассивность крестьянства осуждала представителей наиболѣе радикальной интеллигенціи того времени на добровольную роль „пугала“ крайностью своихъ требованій, напоминающаго господствующимъ классамъ о грозящей имъ пугачевщинѣ. Чернышевскій горячо защищалъ проекты, которые онъ самъ считалъ „несбыточными при данныхъ условіяхъ“, зная прекрасно, что для защиты „сбыточныхъ при данныхъ условіяхъ“ проектовъ найдется достаточно охотниковъ и безъ него. И если результаты не совсѣмъ соотвѣтствовали его желаніямъ, то онъ и товарищи его все-таки дѣлали единственно революціонное дѣло: *они выставляли и оставляли въ рамкахъ данныхъ условій максимумъ требованій, которыя можно было предъявить къ дѣйствительности. Главное дѣло было все-таки сдѣлано. Юридическое раскрѣпощеніе трудящихся массъ должно было служить первымъ шагомъ къ ихъ политическому, а затѣмъ и къ соціальному раскрѣпощенію.* И эта увѣреннность нашла себѣ выраженіе въ словахъНекрасова:

Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ.
Такъ!.. Но распутать ихъ легче народу.
Муза! Съ надеждой привѣтствуй свободу!

Но гдѣ же правительство? Гдѣ тѣ „самостоятельные“ интересы, которые заставили его выступить въ роли „освободителя“? Достаточно одной ссылки на исторію крестьянскаго дѣла въ царствованіе Николая I, чтобы увидѣть, какъ было робко это самодержавное правительство, когда ему приходилось затронуть помѣщичьи интересы. Только когда, въ силу указаннаго соціально-экономическаго процесса, оно заручилось помощью со стороны извѣстныхъ группъ того же помѣщичьяго сословія, оно рѣшилось—если можно

назвать рѣшимостью трусливыя попытки пятидесятыхъ годовъ—поставить на очередь вопросъ объ „улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“. И не трудно было бы показать, какъ всѣ его шаги, зигзаги и колебанія диктовались перипетіями ожесточенной борьбы интересовъ внутри дворянства, борьбы, которая въ свою очередь происходила въ атмосферѣ нараставшаго народнаго возмущенія, грозившаго прорваться могучимъ потокомъ, и „подпольной“ дѣятельности крайнихъ элементовъ изъ среды народолюбивой интеллигенціи.

Ни хроническіе дефициты, ни затруднительное состояніе вообще всего государственнаго хозяйства, ни самое безшабашное казнокрадство, совершавшееся на глазахъ у всѣхъ—все факты, хорошо извѣстные правительству—ни сознаніе, что крѣпостное право задерживаетъ развитіе торговли и промышленности не могли заставить правительство Николая I пойти противъ дворянъ. И если крымская война, воочію обнаружившая всѣ эти факты и показавшая, кромѣ того, что при сохраненіи крѣпостного строя государство, эта организація классоваго господства, не въ состояніи даже охранять свою собственную безопасность отъ „внѣшнихъ“ враговъ, послужила толчкомъ къ реформѣ 19-го февраля, то только потому, что она, какъ мы видѣли выше, еще ярче обнаружила неудержимое стремленіе крестьянъ „отвязаться“ отъ помѣщиковъ.

Въ сердцѣ Россіи поднимался „внутреній врагъ“, правда плохо организованный, сильный только своей ненавистью къ существующему, слабый, поскольку рѣчь шла о его политическомъ сознаніи, но врагъ страшный своей массой, врагъ, съ которымъ нельзя было не считаться. Государство, оказавшееся безсильнымъ противъ „внѣшняго врага“, такимъ образомъ, грозило оказаться безсильнымъ и противъ „внутренняго“ врага.

Чтобы сохранить классовое господство, нужно было измѣнить его форму. Когда 20-го февраля 1855 года Александръ II созвалъ въ своемъ кабинетѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ, совѣтъ изъ высшихъ сановниковъ имперіи, чтобы обсудить вопросъ о томъ, продолжать ли войну или заключить миръ, побѣдиломнѣніе Киселева. „Правда,—говорилъ онъ,—русскій народъ въ подавляющемъ большинствѣ глубоко проникнутъ сознаніемъ долга, *но есть также и оттѣнки, которые могутъ поколебаться*, а потому не должно ставить

себя въ безвыходное положеніе, которое неизбѣжно приведетъ къ условіямъ еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ нынѣшнія". И если бы не угрожающее настроеніе крестьянства, заставившее провести Положеніе 19 февраля черезъ надлежащія законодательныя инстанціи чуть не на курьерскихъ, то правительство еще долго продолжало бы играть роль Ваньки-встаньки въ рукахъ различныхъ группъ дворянства. Зато освободившись, наконецъ, отъ страха, оно съ „желѣзной энергіей" взялось за подавленіе „крамолы", разжигавшей „крестьянскія вожделѣнія"!

Крымская война, тянувшаяся болѣе двухъ лѣтъ, послужила прологомъ „эпохи великихъ реформъ". Разобщенность революціонной интеллигенціи отъ бунтарски настроеннаго крестьянства, неспособнаго къ какой-нибудь прочной обширной организаціи, дала возможность правительству избавиться отъ „безвыходнаго положенія" и эскамотировать въ пользу „крѣпостниковъ" завоеванную съ такимъ трудомъ волю. Еще легче было ему сдѣлать это въ области другихъ реформъ. За исключеніемъ судебной, которая диктовалась нуждами усиленнаго гражданскаго оборота и въ этой своей части скроена по западно-европейскому образцу, всѣ онѣ были жалкой пародіей, способной ввести въ заблужденіе только либеральныхъ любителей „отрадныхъ явленій". Такъ, пресловутая земская реформа 1864 г., о которой и теперь вздыхаютъ наши „тверитяне-либералы", являлась только вознагражденіемъ дворянъ за потерю помѣщичьей власти.

Положеніе 19-го февраля раскрыло настежъ двери капитализму pur sang (чистокровному). На мѣсто крестьянина экономическое развитіе все больше и больше ставитъ пролетарія, городского рабочаго. Въ лицѣ русской соціалдемократіи русская революціонная интеллигенція соединяется съ „народомъ", въ ряды ея все больше и больше входитъ интеллигенція изъ народа, рабочая интеллигенція. Противорѣчіе между соціально-экономическими отношеніями и политической организаціей становится все сильнѣе и выражается все ярче въ новыхъ формахъ классовой борьбы.

Годы, прошедшіе послѣ 1861 года, годы неудержимаго развитія капитализма, прошли недаромъ. Непрерывно создавались и развивались „оттѣнки, которые могутъ поколебаться". Стихійные бунты 40-хъ и 50-хъ годовъ—дѣтская

игра въ сравненіи уже съ ростовскими событіями 1902 г. и всеобщими стачками на югѣ Россіи въ 1903 году.

13 февраля 1861 года Н. Милютинъ получилъ отъ великой княгини Елены Павловны слѣдующее письмо: „Я считаю долгомъ предупредить васъ, что люди мои повторяютъ, что, если и 19-го февраля ничего не будетъ, то чернь двинется къ дворцу, чтобы потребовать окончательнаго рѣшенія. Слѣдовало бы отнестись съ вниманіемъ къ этому слуху: демонстрація грозила бы большой опасностью".

Правительство поторопилось. 19-го февраля былъ подписанъ манифестъ объ освобожденіи крѣпостныхъ. Измѣнялась только форма эксплуатаціи. Объ устраненіи ея сущности не было и рѣчи. Трудящіяся массы получили гражданскую свободу.

Прошло 44 года, и 9 января десятки тысячъ петербургскихъ рабочихъ направились къ Зимнему Дворцу, чтобы просить о дарованіи политической свободы трудящимся массамъ, а вмѣстѣ съ ними и всей Россіи. Но политическое освобожденіе рабочаго класса есть только первый шагъ на пути его къ соціальному освобожденію, измѣненіе политической организаціи классоваго господства должно дать просторъ борьбѣ рабочаго класса за уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ во всѣхъ ея формахъ. И правительство отвѣтило пулями и картечью. Оно одержало побѣду, но не надолго.

На крикъ протеста петербургскихъ рабочихъ, на стоны раненыхъ и умирающихъ, отозвались сотни тысячъ рабочихъ по всей Россіи, отозвались рабочіе Гельсингфорса, Варшавы, Лодзи, Вильны, Москвы, Екатеринослава, Кіева, Тифлиса, Батума, Баку. Безъ различія національностей, сливаясь въ одну могучую массу, рабочій классъ потребовалъ созыва учредительнаго собранія, которое положило бы конецъ политическому рабству трудящихся массъ.

Январь 1905 г.